

Чужой 3

Автор:

Алан Фостер

Чужой 3

Алан Дин Фостер

Вселенная Чужих и Хищника Чужой #2 Чужой против Хищника

«Ярость-361» – отвратительная планета-тюрьма. Замороженный индустриальный комплекс, зрителями которого являются каторжники. Когда спасательная шлюпка с корабля «Сулако» терпит здесь крушение, лейтенант Эллен Рипли кажется единственной выжившей.

А потом заключенные начинают умирать... от рук еще одного выжившего. Причем, встретившись с Рипли, монстр сохраняет ей жизнь. В отчаянной попытке выяснить, почему так произошло, лейтенант делает кошмарное открытие. Такого ужаса она еще никогда не испытывала!

Мастер научной фантастики Алан Дин Фостер возвращается к любимой миллионами Вселенной, чтобы рассказать о том, к чему судьба приведет Рипли и ее извечного врага – ксеноморфа, известного под именем чужой.

Алан Дин Фостер

Чужой 3

Официальная новеллизация

Основано на сценарии Дэвида Гайлера, Уолтера Хилла и Ларри Фергюсона

Сюжет Винсента Уорда

I

Плохие сны.

Забавная штука с этими кошмарами. Они словно рецидив хронического заболевания. Психическая малярия. Как раз тогда, когда вы думаете, что с ними покончено, они снова наносят удар, подкрадываются, когда вы не готовы, когда вы полностью расслаблены и ждете их меньше всего. И ни черта вы с этим не можете сделать. Ни черта. Нельзя исцелиться при помощи таблеток или микстур, нельзя попросить о ретроактивной инъекции. Единственное лекарство – хороший крепкий сон, но именно он подпитывает инфекцию.

Поэтому вы пытаетесь не спать. Но в глубоком космосе у вас нет выбора. Если убрать криогенные капсулы, вас убьет скука космического перелета. Или, что хуже, вы выживете – ошеломленные, бормочущие себе под нос жертвы десяти, двадцати, тридцати лет бессмысленного бодрствования. Целая жизнь, потраченная на созерцание шкал приборов и поиск просветления в однообразном мерцании цифр. Можно читать, смотреть видео или делать упражнения, а еще раздумывать о том, как бы было, предпочти вы убить скуку в криосне. Существует не так много профессий, где сон на рабочем месте считается желательным. И в случае с космическими перелетами сделка весьма неплоха: платят хорошо, а еще вам выпадает шанс наблюдать за социальным и технологическим развитием с уникальной позиции. Отсрочка смерти не равна бессмертию, но очень на него похожа.

Если бы только не кошмары! Это обратная и неизбежная сторона службы в глубоком космосе. Обычное средство от кошмаров, это проснуться. Но вы не можете проснуться от криосна. Машины этого не позволят. Их задача – сохранять вас в гибернации, тормозить функции вашего организма, притуплять сознание. Только вот инженеры пока не придумали, как заодно тормозить сны и их убудочных кузенов, именуемых кошмарами. Так что наравне с дыханием и кровообращением заодно растягиваются и ваши бессознательные размышления. Один сон может длиться и год, и два. Или один кошмар.

В определенных обстоятельствах смертельная скука может показаться более предпочтительной альтернативой, но в глубоком сне у вас нет выбора. Холод, отрегулированная атмосфера, иглы, что зондируют и пронзают плоть соответственно заданному медицинскому алгоритму, – все это управляет если не вашей жизнью, то вашим телом. Когда вы погружаетесь в криосон, вы отказываетесь от своей воли, сдаетесь на милость механизмов, доверяете им, полагаетесь на них. А почему бы нет? За десятилетия они доказали, что куда надежнее людей, их разработавших. Машины не держат обид, не вовлекаются во вражду. Их суждения основываются сугубо на наблюдении и анализе. От них не требуется эмоций, а тем более действий на их основе.

«Сулако» был машиной и делал свою работу.

Четверо спящих на борту попеременно видели сны и находились в покое. Они неслись по проложенному заранее курсу и находились под опекой лучших технологий, которыми обладала цивилизация. Механизмы сохраняли им жизнь, регулировали биопроцессы, мгновенно выравняли сбои в системах. Они берегли Рипли, Хикса, Тритончика, даже Бишоп – хотя то, что осталось от Бишоп, сохранять было проще всего: он привык к тому, чтобы включаться и отключаться. Из всех четверых он единственный не видел снов, и у него не было кошмаров. И об этом он всегда жалел: спать, но не видеть снов казалось пустой тратой времени. Но инженеры новой серии андроидов, к которой принадлежал Бишоп, сочли способность к сновидению слишком дорогой и неоправданной, а потому не занимались решением данной проблемы.

И, естественно, никто не подумал поинтересоваться у андроидов, что они сами об этом думают.

Если не считать Бишоп, который технически являлся скорее частью корабля, чем команды, Хиксу приходилось хуже всех. И не потому, что его кошмары были страшнее чем у остальных, а потому, что недавно полученные им раны и повреждения нельзя было оставлять без внимания надолго. Ему требовалась помощь современного, полностью оборудованного медицинского учреждения, ближайшее из которых находилось в двух годах полета, на огромном расстоянии.

Рипли сделала для него, что могла, оставив окончательную диагностику и предписания на долю эффективного медицинского инструментария «Сулако», но

поскольку никто из медперсонала корабля не пережил бойню на Ахероне, оказанная помощь была минимальной. И пара лет в оковах криосна не способствовала быстрому выздоровлению. Рипли мало что могла сделать – только смотреть, как Хикс погружается под защиту сна.

Пока корабль делал свою работу, тело Хикса тоже старалось залатать повреждения. Замедление жизненных процессов помогло, потому что вместе с тем замедлилось и распространение потенциальной инфекции. Но с его внутренними повреждениями корабль ничего поделаться не мог. Хикс долго продержался на чистой воле, расходуя собственные резервы. Теперь он нуждался в хирургической помощи.

Тем временем в криогенном отсеке двигалось нечто, не являющееся частью корабля – впрочем, им тоже всецело двигала программа, поэтому существо не слишком выделялось на фоне холодных, безразличных коридоров, по которым следовало.

Единственное стремление руководило его неуклонным поиском, бессмысленно влекло вперед. Не еда, потому что оно не было голодным и не питалось в принципе. Не секс, потому что у него не было пола. Им двигало единственное и абсолютное желание произвести потомство. Несмотря на органическую природу, оно было в той же степени машиной, что и компьютеры, управлявшие кораблем. Правда у него еще была решимость, им незнакомая.

Из всех земных существ больше всего оно напоминало краба с гибким хвостом. По гладкому полу оно передвигалось на членистых ногах из необычайно прочного хитина. Его физиология была простой, прямолинейной и приспособленной для выполнения одной-единственной биологической функции, которую оно могло осуществить с недоступной другим видам эффективностью. Даже машина не справилась бы лучше.

Ведомое уникальной комбинацией примитивного и изощренного, влекомое вложенным приказом, не имеющим аналогов в сознании других живых существ, существо быстро и решительно пересекало комнату.

Для столь великолепно подготовленного существа взобраться по гладкому боку криогенного цилиндра оказалось простой задачей. Верхушка капсулы была сделана из прозрачного металлического стекла. Внутри спала маленькая

фигурка из органики; полусформировавшаяся, светловолосая, невинная – если не считать кошмаров, которые оказались столь же сложными, а частенько и более продолжительными, чем у взрослых, спящих неподалеку. Закрыв глаза, она спала и не знала об ужасе, который исследовал тонкую полусферу крышки ее саркофага.

И это не было сном. В данный момент кошмар был воплощенным и настоящим. Очень хорошо, что она не знала о его присутствии.

Существо нетерпеливо исследовало капсулу, начав с основания и методично продвигаясь кверху. Цилиндр был герметичным, основательно запечатанным, и во многом – более надежным, чем корпус самого «Сулако».

Несмотря на волнение, существо не способно было испытывать разочарование. Перспектива близкого осуществления его биологического предназначения только подхлестывала и побуждала прикладывать больше усилий. Выдвижная трубка, что высывалась из его брюшка, зондировала неподатливый прозрачный барьер, защищающий беспомощное тело, лежавшее в недостижимой глубине капсулы, и близость к добыче подстегивала лихорадочную активность существа.

Соскользнув с одного бока, оно наконец-то обнаружило почти неразличимую линию, отделявшую прозрачный купол от металлического основания. Крошечные когти впились в тончайшую трещину, а невероятно сильный хвост нашел точку опоры в голове цилиндра. Существо приложило чудовищное усилие – маленькое тельце задрожало от напряжения. Запорные устройства саркофага запротестовали, но тварь была неумолима, а запасы ее силы – невероятны.

Нижний край прозрачного купола хрустнул, металлическое стекло откололось, причем трещина прошла параллельно полу, а осколок, острый, словно хирургический инструмент, вонзился прямо в тело существа. Из капсулы хлынул поток ледяного воздуха, пока внутренние экстренные системы не восстановили целостность цилиндра.

Распростертая на своем ложе беспокойных снов, Тритончик тихо застонала, ее голова перекатилась с боку на бок – глазные яблоки двигались под закрытыми веками. Но она не проснулась. Целостность капсулы восстановилась как раз вовремя, чтобы спасти ей жизнь.

Издавая жуткие вопли, смертельно раненное членистоногое прыгнуло через всю комнату – ноги и хвост спазматически хлестали по прозрачному куску стекла, пронзившему тело. Существо упало на капсулу, в которой покоился неподвижный Хикс, ноги твари судорожно вцепились в крышку. Содрогаясь и трепеща, чудовище скреблось в металлическое стекло, а из раны хлестала кислотная жидкость. Она въедалась в стекло, в металлическое основание капсулы, в пол. Откуда-то из-под палубы, заполняя комнату, начал подниматься дым.

По всему кораблю начали просыпаться контрольные устройства, мерцали предупреждающие световые сигналы и зазвучали сирены. Не было никого, кто бы мог их услышать, но это не повлияло на реакцию «Сулако». Он просто исполнял свою работу, подчиняясь программе. Меж тем из проеденного отверстия в полу продолжал вздыматься дым. Существо на капсуле Хикса непристойно извивалось, истекая едкой кровью.

Никем не услышанный, в комнате раздался женский голос, спокойный и безмятежно-искусственный:

– Внимание! В криогенном отсеке скапливаются взрывчатые газы. В криогенном отсеке скапливаются взрывчатые газы.

Загудели установленные в потолке вентиляторы, поглощая газ, который сгущался и закручивался в спираль. Из уже неподвижного, мертвого существа продолжала капать кислота.

Под полом что-то взорвалось. Вспыхнул яркий актинический свет, а за ним вырвалась струя слепяще-желтого пламени. Более темный дым начал смешиваться с разреженными газами, что сейчас заполняли отсек. Неуверенно вспыхивало освещение. Вентиляторы остановились.

– Пожар в криогенном отсеке, – невозмутимо сообщил женский голос тоном существа, которому нечего терять. – Пожар в криогенном отсеке.

Вращаясь, словно миниатюрная пушка, из потолка выдвинулось сопло. Оно замерло, фокусируясь на пламени и газах, поднимавшихся из отверстия в полу. На его кончике запузырилась жидкость, после чего хлынула в направлении пожара. Вмиг огонь был усмирен.

Из основания сопла вырвался сноп искр. Бьющая струя ослабла, бессильно закапав из устройства.

– Противопожарная система отключена. Противопожарная система отключена. Принудительная вентиляция отключена. Принудительная вентиляция отключена. Пожар и взрывчатые газы в криогенном отсеке.

Ожили и загудели моторы. Четыре рабочие криогенные капсулы поднялись со своих оснований на гидравлических платформах. Под мигание датчиков они двинулись к дальнему концу комнаты. Дым и усиливающееся пламя скрывали дорогу, но не мешали продвижению. Все еще пронзенное осколком металлического стекла мертвое существо соскользнуло с движущейся капсулы и свалилось на пол.

– Все персоналу явиться к эвакуационным шлюпкам, – настаивал голос, не меняя интонации. – Превентивная эвакуация через минуту.

Двигаясь цепочкой, капсулы криосна добрались до транспортной шахты, с помощью которой на высокой скорости переместились сквозь недра корабля к шлюзу по правому борту, откуда автоматический погрузчик должен был отправить их в ожидающую эвакуационную шлюпку. Других пассажиров не было. Сквозь прозрачную лицевую панель было видно, как Тритончик дернулась во сне.

Вспыхнул свет, загудели двигатели, раздался голос, хотя некому было его слушать:

– Все эвакуационные шлюпки будут сброшены через десять секунд. Девять...

Внутренние шлюзы захлопнулись, внешние – широко распахнулись.

Голос продолжил отсчет.

Когда счет дошел до нуля, две вещи произошли со зловещей синхронностью: десять шлюпок – девять из них оказались пусты – были сброшены с корабля, а скопившиеся в криогенном отсеке газы достигли той пропорции, чтобы вступить в критическую реакцию с пламенем, вырывавшимся из проеденной кислотой

дыры в полу. На краткий взрывной миг вся правая передняя сторона «Сулако» вспыхнула, как далекая звезда.

Половину отдалявшихся шлюпок сурово тряхнуло ударной волной. Две начали кувыркаться, полностью лишившись управления. Одна легла на курс, который по широкой размашистой дуге привел ее обратно к кораблю. При этом шлюпка не сбросила скорость – вместо этого она с полным ускорением врезалась в корпус судна. Второй, более мощный взрыв сотряс корабль. Поврежденный, он накренился в пустоте, периодически извергая неравномерные вспышки света и тепла и усеивая пространство оплавленными, искореженными частицами обшивки.

На борту эвакуационной шлюпки с четырьмя криогенными цилиндрами вспыхивали сигнальные устройства, искрили и помаргивали контуры приборов. Более простые и не такие мощные компьютеры шлюпки боролись за то, чтобы минимизировать вред, нанесенный произошедшим в последнюю секунду взрывом. Корпус не был пробит, но сотрясение повредило чувствительную электронику.

Шлюпка ожидала уточнения статуса с материнского корабля, но, когда этого так и не произошло, самостоятельно запустила сканирование непосредственного окружения. В разгар этого поспешного исследования отказал навигационный инструментарий, хотя потом быстро восстановился за счет вспомогательной системы. «Сулако» далеко отклонился с проторенных путей, потому что миссия завела его на окраины исследованного человеком космоса. Когда корабль постигло несчастье, он еще не успел заметно продвинуться на пути к дому. В этой части пространства человечество, конечно, наличествовало, но неравномерно, и свидетельства его присутствия были редки, а колонизированные планеты разбросаны далеко друг от друга.

Однако навигационный компьютер шлюпки кое-что обнаружил.

Нежелательный, неподходящий вариант, но в сложившихся обстоятельствах он был единственным. Компьютер шлюпки не мог просчитать, как долго она еще будет функционировать, учитывая серьезность полученных повреждений. А главной задачей эвакуационных капсул являлось сохранение человеческой жизни на борту, поэтому искусственный интеллект выбрал и проложил курс. Двигатели компактного суденышка ожили, хотя и с перебоями.

Фиорина не была впечатляющей планетой, скорее непривлекательной, но в секторе Нероид она оказалась единственной, где действовал маячок. Компьютер шлюпки поймал устойчивый сигнал. Поврежденная система навигации дважды его теряла, но продолжала придерживаться предполагаемого курса, и дважды сигнал восстанавливался.

Информация по Фиорине была скудной и устаревшей – из-за уединенности и специфического статуса планеты.

«Фиорина, “Ярость-361”», – гласили данные. – Очистительный завод минеральной руды внешней вуали. Трудовое исправительное учреждение с максимальной охраной». Для корабельного компьютера эти слова ничего не значили. Они значили бы многое для пассажиров, но те были не в состоянии прочесть что-либо и понять.

– Нужна дополнительная информация? – уныло спросил компьютер. Но когда никто не нажал соответствующую клавишу, экран покорно потемнел.

Дни спустя эвакуационная шлюпка ринулась навстречу серой клубящейся атмосфере места своего назначения. В темных облаках, заслонивших поверхность планеты, не было ничего симпатичного. Ни клочка голубого или зеленого не мелькало в разрывах, ничто не указывало на наличие жизни. Однако в каталогах значилось присутствие на этой планете человеческих сооружений, а маячок связи отсылал в пустоту неизменный сигнал с подобающей стабильностью.

На борту с неприятным постоянством продолжались сбои систем. Компьютер старался удержать судно под контролем, и резервные копии программ сменяли друг друга.

Облака цвета угольной пыли проносились мимо иллюминаторов, и молния угрожающе сверкнула в атмосфере, отразившись в зеркальной поверхности замороженных, запечатанных гробов на борту.

При посадке эвакуационной шлюпки на поверхность компьютер не испытывал особых трудностей: не было нужды ни в дополнительных усилиях, ни в излишней срочности. Он действовал бы так же, даже будь небо чистым, а ветер слабым, или если бы собственные системы кораблика функционировали

оптимально, а не сбило с нарастающей частотой.

Посадочная механика шлюпки не отреагировала на отданную команду к спуску, а на повторную попытку не было ни времени, ни энергии. Учитывая гористый рельеф местности, в которой находились маячок и формальное место посадки, компьютер предпочел попробовать приземлиться на относительно ровном песчаном пляже.

Когда потребовалась дополнительная мощность, оказалось, что резервов нет. Компьютер все равно попытался, это было его работой, – но капсула промахнулась мимо пляжа и упала далеко в море, врезавшись в него под слишком острым углом.

Распорки и переборки внутри шлюпки пытались компенсировать повреждения. Металл и углеродный композит застонали под ударами такой силы, на какую они не были рассчитаны. Каркасные стержни раскалывались или гнулись, стены сминались. Компьютер сосредоточил свои усилия на том, чтобы капсулы под его защитой остались неповрежденными. Наступивший кризис не оставил времени ни на что другое. О себе компьютер не тревожился. Забота о себе – эта та функция, которой его не оснастили.

Поверхность Фиорины была столь же пустынна, как ее небеса – гребенка серо-черного камня, выскобленного постоянно завывающим ветром. Скучная искривленная, скрученная растительность льнула к укрытиям из пустот в скалах. Дождь тревожил поверхность илистых холодных луж.

Печальный пейзаж усеивали неподвижные силуэты тяжелых машин. Погрузчики, транспортеры, огромные экскаваторы и подъемники покоились там, где их и покинули – слишком массивные, чтобы их эвакуировали с невероятно богатого месторождения, некогда нуждавшегося в присутствии тяжелой техники. Три чудовищных землеройных машины стояли против ветра, словно трио гигантских плотоядных червей. Их буры оставались недвижимы, а отсеки операторов – темны и пусты. Машины и транспорты поменьше собрались в группы, словно многочисленные, умирающие с голоду паразиты, которые ждут, когда одна из крупных машин оживет, и они смогут накинуться на крошки от ее трапезы.

Под этим местом на пляж из блестящего черного песка методично набегал прибой, без толку расходуя энергию волн. По поверхности этой туманной гавани не сновали изящные членистоногие, не ныряли вниз птицы с искусными сильными крыльями, чтобы исследовать обломанные хребты волн на предмет съедобной мелочи.

Хотя в воде была рыба: странные, вытянутые создания с выпученными глазами и мелкими острыми зубами. Человеческие временные обитатели, называвшие Фиорину домом, иногда спорили о подлинной природе этих существ. Но поскольку эти люди были не из тех, кто предпочитает пространные дискуссии о природе параллельных ветвей эволюции в качестве развлечения на досуге, они склонялись к принятию того факта, что океанские твари – не важно, как они назывались и откуда взялись – были съедобны, и это к лучшему. Свежая пища любого рода здесь была редкостью. Так что, возможно, лучше не вдаваться глубоко в детали происхождения того, что оканчивает свой путь в кастрюле, раз уж оно вкусное.

Человек, шедший вдоль берега, был задумчив и особенно никуда не торопился. Смышленное лицо человека в данный момент носило отстраненное выражение – пешеход был поглощен какими-то размышлениями. Легкий пластиковый шлем защищал его совершенно лысую голову от дождя и ветра. Время от времени прохожий раздраженно пинал насекомых, которые роились у его ног в попытке пробраться под гладкий пластиковый материал одежды. Когда гости Фиорины изредка стремились вкусить сомнительной прохлады беспокойных вод, более примитивные формы местной жизни не отказывались от попыток попировать за счет посетителей.

Человек молча шагал мимо заброшенных буровых вышек-дерриков и окаменевших кранов, полностью углубившись в размышления. Он не улыбался. В его настрое доминировала тихая покорность, рожденная не решительностью, а равнодушием, словно его мало волновало, что сегодня произойдет и наступит ли завтра. В любом случае ему куда больше нравилось обращать взгляд внутрь, а не вовне: осточертевшее окружение удовольствия доставляло мало.

Звук заставил человека посмотреть вверх. Он моргнул и стер с забрала шлема холодные капли воды. Отдаленный рев приковал его взгляд к точке в небе. Неожиданно темное облако исторгло кусок металла. Он мягко светился, а воздух вокруг стонал от его падения. Человек устоял на то место, где странный предмет рухнул в океан, и чуть помедлил, прежде чем возобновить прогулку.

Пройдя полдороги вдоль берега, он сверился с хронометром и повернул обратно. Время от времени человек поглядывал на море. Он ничего не видел, да и не планировал что-либо найти, так что безжизненная фигура, замаячившая на песке впереди, оказалась сюрпризом. Человек слегка ускорил шаги и склонился над телом, пока волны плескались у его ног. Впервые кровь быстрее заструилась у него по жилам: тело принадлежало женщине, и она все еще была жива. Он перевернул ее на спину и уставился в мокрое от соленой воды лицо бессознательной Рипли.

Человек поднял взгляд, но берег все еще принадлежал ему одному. Ему и этой совершенно нежданной новоприбывшей. Оставить ее, чтобы пойти за помощью, значило отсрочить лечение, которое могло спасти женщину, не говоря о том, что она осталась бы без защиты наедине с полными энтузиазма хищниками, населявшими некоторые участки Фиорины.

Приподняв женщину под мышки, человек сумел закинуть тело себе на плечи. Выпрямив ноги, он поднялся и, с находкой на плечах, направился к метеорологическому шлюзу, откуда и вышел ранее.

Внутри он чуть передохнул, а затем двинулся к дезинфицирующему душу – для обработки от насекомых. Трое заключенных, что работали снаружи, сейчас были заняты избавлением от вшей – голые, они стояли под горячими струями воды, смешанной с дезинфектантом. Будучи офицером медицинской службы, Клеменс обладал определенными полномочиями. Ими он сейчас и воспользовался.

– Внимание!

Остальные с любопытством повернулись к нему. Клеменс не часто общался с заключенными, кроме тех случаев, когда кто-то из них заболел. Их обычное безразличие улетучилось, едва они заметили тело на его плечах.

– Там спустилась эвакуационная шлюпка.

Трое обменялись взглядами.

– Не стойте! – прикрикнул медик, пытаясь отвлечь их внимание от своей ноши. – Отправляйтесь на берег. Может, там есть и другие. И уведомите Эндрюса.

Помедлив, заключенные выбрались из душа и начали разбирать одежду, тарачась на женщину. Клеменс так и не решился опустить ее на пол.

2

Эндрюсу не нравилось работать с коммуникатором. Каждое использование заносилось в его личное дело. Переговоры в глубоком космосе стоили дорого, и от персонала ожидали, что использовать оборудование он станет только в случае абсолютной и неизбежной необходимости. Могло оказаться так, что его оценка не совпадет с оценкой какого-нибудь гладкожопого тупицы в штаб-квартире, из-за чего накопительное жалование Эндрюса могут урезать, или откажут в повышении. И не будет ни малейшего шанса себя оправдать, потому что к тому времени, когда он выберется из этой адской дыры по имени Фиорина и вернется домой, тот кретин, скорее всего, давно помрет или выйдет на пенсию.

Черт, почему он вообще волнуется? Все, кого он когда-либо знал, будут мертвы к тому времени, как он окажется дома. Впрочем, это соображение несколько не умаляло его желания поскорее совершить это долгожданное путешествие.

Так что он делал свою гребаную работу настолько хорошо, насколько мог, и надеялся, что его гребаные наниматели в конце концов отметят его умения и профессионализм и предложат пенсию пораньше. Только вот сейчас возникли гребаные непредвиденные сложности – явно только для того, чтобы усложнить ему жизнь. Эндрюс питал стойкую неприязнь к непредвиденному. Одним из немногих преимуществ его работы была как раз постоянная предсказуемость.

До сих пор. Но сегодня непредсказуемое, неожиданное событие вынуждало его воспользоваться коммуникатором. Он сердито замолотил по клавишам.

[1 - ИКФС (англ. IRIS – Infrared Interferometer Spectrometer) – фурье-спектрометр ИК-диапазона.]

Клеменс вытащил женщину из воды и как можно быстрее унес ее в лазарет. Так быстро, что именно ее состояние, а не ее пол, успело завладеть мыслями заключенных. Осознание придет позже, а вместе с ним, как предвидел Эндрюс, и проблемы.

Что касалось эвакуационной шлюпки, то, чтобы ее вытащить, они прибегли к помощи быков-мутантов. Любая из шахтерских машин сделала бы это быстрее и проще, но те, что остались снаружи, давным-давно не выказывали и намека на нормальное функционирование, а те, что находились внутри комплекса, были слишком ценны для обитателей, чтобы рисковать ими в местных погодных условиях – даже если предположить, что люди смогли бы вывести подходящий транспорт наружу. Проще было использовать быков, пусть и не привыкших к подобным задачам. Впрочем, свое дело они выполнили эффективно, хотя один из них впоследствии ослабел и сдох – несомненно, от того, что подвергся доселе не испытанному напряжению от настоящей работы.

Когда шлюпку доставили в пределы досягаемости единственного рабочего крана снаружи, закрепить сильно поврежденный кораблик на держателе и опустить внутрь комплекса было уже несложным делом. Эндрюс присутствовал там, когда люди зашли внутрь с новостью, что женщина прибыла не одна – в шлюпке имелись и другие пассажиры.

Управляющий не обрадовался. Больше сложностей – больше дыр в спокойной ежедневной рутине. И надо принимать больше решений. А ему не нравилось принимать решения – всегда существовала опасность решить неправильно.

Капрал-морпех был мертв, как и несчастный ребенок. Андроид не в счет. В какой-то степени Эндрюс почувствовал облегчение. Разобраться следовало только с женщиной, оно и к лучшему: она и в одиночку сулила достаточно проблем.

Один из заключенных уведомил, что передатчик доставил онлайн-сообщение. Оставив шлюпку и ее содержимое остальным, управляющий вернулся в канцелярию. Эндрюс был крупным мужчиной под пятьдесят, мускулистым, мощным и непреклонным. Впрочем, без этих (и некоторых других) полезных качеств его никогда бы не назначили на Фиорину.

Ответ оказался столь же лаконичным, как и его послание:

Да уж, содержательно. Эндрюс уставился на монитор, но там больше ничего не появилось – ни указаний, ни запросов дополнительной информации, ни элегантных корпоративных пояснений. Ни критики, ни похвалы. Почему-то он ждал большего.

Управляющий мог бы отправить еще одно сообщение, запрашивая больше сведений, только вот шишки наверху наверняка сочтут это чрезмерным и удержат часть его жалования на покрытие расходов. Разве они не ответили? Даже если на самом деле это не совсем ответ. С этим он уже ничего не мог поделать – надо было справляться с ситуацией, как он сочтет нужным... и ждать.

* * *

Еще один сон. В снах нет чувства времени, там не существует этого измерения. Люди видят во снах самые разные вещи, как сугубо реалистичные, так и полностью воображаемые. Но часы они не видят почти никогда.

Огнемет с двумя стволами в ее руках был тяжелым. Она осторожно приблизилась к капсулам криосна. Быстрая проверка показала, что все трое спящих покоятся в целостности и сохранности. Бишоп – разобранный и неподвижный. Тритончик – совершенно неземная в своей детской красоте, полностью чуждая для этих места и времени, где она невольно оказалась. Хикс – спокойный, здоровый. Она чуть помедлила, приближаясь, но крышка капсулы оставалась закрытой, как и его глаза.

Раздался незнакомый звук, и она развернулась, перещелкивая рычажок на боку оружия, а ее палец дернулся на спусковом крючке. Огнемет издал пластиковый щелчок, но и только. Лихорадочно, она попыталась снова. Короткая струя пламени в несколько дюймов неохотно показалась из одного ствола и иссякла.

В панике она осмотрела оружие, проверила количество топлива, спусковой крючок, доступные взгляду провода. Все казалось исправным. Оно должно было работать, ему полагалось работать...

Что-то было рядом, близко. Ей снилось, что она отступает, осторожно пятится к стене в поисках прикрытия и возится с огнеметом. Оно было рядом. Она слишком много знала об этих существах, чтобы предполагать иное. Ее пальцы боролись с массивным оружием. Она нашла причину поломки, в этом не было сомнений. Еще минута – это все, что ей нужно! Перезарядить, выждать, и можно стрелять... Полминуты. Ее взгляд упал вниз.

У нее между ног возник хвост чужого.

Она с криком развернулась – прямо в его ждущие объятья, – попыталась навести огнемет. Ужасающе изящная рука сжалась; невероятно мощные пальцы разломали оружие, сминая двойной ствол. Вторая рука вцепилась в нее. Она замолотила кулаками по сияющей, блестящей грудной клетке – бессмысленные движения. Теперь все бессмысленно.

Ее развернуло и толкнуло к ближайшей капсуле криосна. Еще толчок. Ее лицо оказалось плотно прижато к холодному неорганическому стеклу. Внизу Хикс открыл глаза и улыбнулся. И снова улыбнулся.

Она закричала.

* * *

Лазарет был компактным и практически пустым. Он граничил с куда более обширным медицинским отсеком, рассчитанным на десятки пациентов в день. Шахтеры – те самые потенциальные пациенты – давно убрались с Фиорины. Они выполнили свою задачу по добыче ценной руды годами ранее и улетели домой вместе с ней. Остались только заключенные, а им такая большая клиника не требовалась.

Так что просторное отделение избавили от всего оборудования, которое можно было перенести, а более мелкая операционная досталась тюрьме. Так было дешевле. Меньше пространства отапливать, значит, меньше энергозатрат, то

есть – экономия. В том, что касалось заключенных, это всегда было наилучшим вариантом.

Однако это не значило, что их оставили ни с чем: лекарств и оборудования с лихвой хватало для текущих нужд. Компания могла позволить себе быть щедрой. К тому же переправлять на планету даже необходимые материалы было дороговато. Проще оставить часть – качеством похуже – на месте, зато получить хорошую репутацию за проявленное сострадание. Добрая слава стоила побольше, чем оборудование.

Помимо того, был еще Клеменс. Подобно части оборудования, он казался слишком хорош для Фиорины – хотя тех, кто был в курсе его истории, убедить в этом было бы непросто. Да и возражать он бы не стал. Но заключенным повезло, что он у них был, и они это знали. Большинство из них были не глупыми, а всего лишь неприятными. Та самая комбинация качеств, которая некоторых людей поднимает до позиций глав индустрии или столпов правительства. Но других она ведет только к поражению и деградации.

Когда проблемы такого характера бывали направлены внутрь, страдальцам либо оказывали помощь, либо изолировали где-нибудь на Земле. А когда они прорывались вовне, затрагивая и невинных, тогда дорога уводила людей, ставших слишком проблемными, в другие места. Например, на Фиорину. Клеменс был всего лишь одним из многих, кто слишком поздно осознал, что его личный путь чересчур разошелся с общепринятыми нормами морали и ведет на эту планету.

Женщина пыталась что-то сказать. Ее губы шевелились, и она тянулась вверх, но в попытке прижаться к чему-то или оттолкнуться – этого Клеменс определить не мог. Нагнувшись, он приблизил ухо к ее рту и услышал какой-то булькающий звук, словно поднимающийся к поверхности из самых глубин.

Он выпрямился и повернул голову женщины набок, удерживая ее мягко, но при этом твердо. Давясь и задыхаясь, она извергла поток темной соленой воды. Спазмы быстро прекратились, и спасенная затихла – все еще без сознания, но теперь в покое, расслабившись и не двигаясь. Клеменс опустил ее голову обратно на подушку, серьезно взгляделся в лицо, напомилавшее маску. Тонкие черты – почти девичьи, несмотря на возраст. Но выглядела она так, будто провела слишком много времени в качестве туриста в аду.

«Что ж, быть сброшенным с корабля на эвакуационной шлюпке, потом проснуться от криосна во время крушения в море – этого достаточно, чтобы кто угодно выглядел не очень», – сказал он себе.

Дверь лазарета тихонько зашипела, скользнув в сторону, чтобы впустить Эндрюса и Эрона. Нельзя было сказать, что Клеменс без ума как от управляющего, так и от его заместителя. В то же время он отлично знал, что и Эндрюс не питает любви к единственному медику на планете. Хотя по статусу он мог бы быть на уровень выше большинства населения колонии, Клеменс все же оставался заключенным, отбывающим наказание, – факт, который ни один из вошедших не позволит ему забыть. Впрочем, он и сам не мог этого сделать.

На Фиорине многое было очень сложно осуществить, но забыть что-либо – невозможно.

Они остановились у кровати и уставились на неподвижное тело. Эндрюс проворчал нечто нечленораздельное.

– Каково ее состояние, мистер Клеменс?

Медик чуть выпрямился и взглянул на человека, который ради всеобщей пользы служил в качестве господина и повелителя Фиорины.

– Она жива.

Выражение лица Эндрюса стало жестче, но он одарил медика сардонической улыбкой.

– Благодарю вас, мистер Клеменс. Весьма полезные сведения. А поскольку я не хотел бы – и не должен бы хотеть, – чтобы было иначе, это заодно означает, что у нас проблемы, не так ли?

– Не о чем беспокоиться, сэр. Думаю, мы сможем ее вытянуть. Внутренних кровотечений нет, ничего не сломано, даже серьезных растяжений нет. Думаю, она полностью поправится.

– Что, как вы знаете, мистер Клеменс, как раз меня и беспокоит, – Эндрюс оценивающе уставился на женщину. – Мне бы хотелось, чтобы она сюда не прилетала. Мне бы хотелось, чтобы ее тут не было.

– Не хочу проявить неуважение, сэр, но у меня ощущение, что она бы с вами согласилась – если бы могла. Но на основе сведений о ее посадке и видя текущее состояние шлюпки, я бы сказал, что выбора у нее особенно не было. Есть идеи, откуда они? С какого корабля?

– Нет, – пробормотал Эндрюс. – Я уведомил «Вей-Ю».

– Они ответили? – Клеменс сжал запястье Рипли, по-видимому, чтобы проверить пульс.

– Если это можно так назвать. Они подтвердили получение моего сообщения. И все. Думаю, они не слишком настроены поболтать.

– Можно понять, если потерянный корабль их сильно интересует. Скорее всего, носятся, как сумасшедшие, пытаюсь решить, что означает ваш рапорт.

Мысленная картина сбитых с толку набобов Компании доставила медику удовольствие.

– Дай мне знать, если ее состояние изменится.

– В случае, если она вдруг ко всеобщей радости скончается?

Эндрюс сердито посмотрел на врача.

– Я уже достаточно расстроен из-за всего этого, Клеменс. Будь умницей, не делай еще хуже. И не заставляй меня думать об этом и о тебе одновременно. Нет нужды сгущать краски. Возможно, тебя и удивит, но я надеюсь, что бедняжка выживет. Хотя, если она вернется в сознание, то может и пожалеть об этом. Идем, – сказал он своему подручному.

И они вдвоем ушли.

Женщина тихо застонала, ее голова нервно металась из стороны в сторону. Индивидуальная реакция или побочные эффекты лекарств, которыми Клеменс поспешно ее напичкал с надеждой на лучшее? Он сидел и смотрел на нее, бесконечно благодарный за возможность передохнуть рядом с ней, за шанс просто быть к ней близко, рассматривать ее, обонять ее. Он почти забыл, каково это – находиться в присутствии женщины. Воспоминания вернулись быстро – их подстегнуло ее появление. Несмотря на синяки и царапины она была довольно красива, думалось ему. Куда красивее, чем у него было право ожидать.

Женщина снова застонала, и медик решил, что причиной тому не лекарства и не боль от повреждений. Она видела сон. Это безвредно. В конце концов, сны ей не повредят.

Тускло освещенный зал собраний насчитывал четыре этажа. Люди свешивались с ограждений второго, тихо переговариваясь между собой. Некоторые курили растительные и химические смеси. Верхние уровни пустовали. Как и большая часть шахт Фиорины, этот зал был рассчитан на куда большее количество народа, чем пара десятков, собравшихся здесь сейчас.

Они пришли по требованию управляющего. Все двадцать пять человек. Суровые, тощие, лысые, молодые и не очень, и те, чья молодость уже превратилась в потускневшие, хотя и теплые воспоминания. Эндрюс сидел напротив них, его заместитель Эрон стоял рядом. Клеменс стоял в некотором отдалении как от заключенных, так и от тюремщиков, как подобало его необычному статусу.

Два тюремщика, двадцать пять заключенных. Они могли бы напасть на управляющего и его помощника в любое время, относительно легко одержать над ними верх. Но зачем?

Бунт только даст им контроль над комплексом, который они и без того обслуживают. Бежать было некуда, на Фиорине не существовало более приятных мест, доступ куда им запрещался. Когда придет следующий корабль с припасами и узнает о сложившейся ситуации, то просто откажется сбросить груз и отошлет рапорт. Следом прилетят тяжеловооруженные солдаты и разделаются с революционерами, а всем, кто принимал участие, но выжил, увеличат сроки наказания.

Скромное удовольствие, извлеченное из непокорности властям, не стоило и одного лишнего месяца на Фиорине, а целого года, а то и двух – и подавно. Это понимали даже самые ожесточенные заключенные. Так что здесь не было бунтов, и никто не бросал вызов власти Эндрюса. Выживание и – что более важно – отбытие с Фиорины зависели от надлежащего исполнения обязанностей. Заключенные могли быть недовольны, но настроены были мирно.

Эрон оглядел бормочущую толпу, нетерпеливо возвысил голос:

– Ладно, ладно. Давайте успокоимся и начнем. Верно? Верно. Прошу вас, мистер Диллон.

Диллон шагнул вперед. У заключенных он был лидером, и не только из-за своих габаритов и силы. Проволочные очки без оправы, что он носил, были скорее данью традициям, чем необходимостью. Он предпочитал их контактным линзам, а Компания, разумеется, вряд ли стала бы тратить время и деньги на то, чтобы обеспечить заключенному трансплантацию сетчатки. И Диллона это устраивало. Очки были антиквариатом – семейным талисманом, что каким-то образом уцелел и передавался из поколения в поколение. Его нуждам они отлично отвечали.

Единственный дредлок свисал с лысой головы мужчины и медленно покачивался на ходу. Требовалось много времени и усилий, чтобы охранять эту «прическу» от настырных насекомых Фиорины, но Диллон мирился с дискомфортом в пользу этого скромного выражения индивидуальности.

Он громко прочистил горло.

– Пошли нам сил, о Боже, чтобы мы выдержали. Мы понимаем, что мы – жалкие грешники в руках разгневанного Господа. Да не разорвется круг... пока не наступит день. Аминь.

Это была коротенькая молитва, и ее было достаточно. В конце заключенные подняли правые кулаки вверх, затем в тишине их опустили. Жест означал принятие и смирение, а не вызов. На Фиорине непокорность была чревата только остракизмом и вероятностью скорой могилы. Ведь если ты слишком далеко заходил за черту, Эндрюс сравнительно безнаказанно мог изгнать – и изгнал бы – тебя из комплекса. Не было никого, чтобы возразить против подобного, проверить действия управляющего и оценить их корректность. Не было

независимой комиссии по расследованию смерти заключенного. Эндрюс предлагал, Эндрюс и налагал. Это было бы нестерпимо, если бы не факт, что управляющий, будучи суровым человеком, заодно был и справедлив. Заключенные считали, что в этом им повезло, ведь с большой вероятностью могло оказаться иначе.

Эндрюс оглядел своих подопечных. Каждого он знал близко – куда лучше, чем ему бы хотелось, если бы у него был выбор. Он знал их индивидуальные сильные и слабые стороны, их грешки, детали их судебных процессов и к чему они питают неприязнь. Некоторые были откровенной мразью, другие – всего лишь фатально антисоциальными, а еще имелся широкий набор вариаций между этими двумя крайностями.

Управляющий с важностью прочистил горло.

– Благодарю вас, джентльмены. Много разговоров велось о том, что произошло этим утром – разговоров, по большей части, легкомысленных. Так что можете считать, что сейчас у нас собрание по обузданию слухов. Вот факты. Как знают некоторые из вас, эвакуационная шлюпка модели триста тридцать семь потерпела здесь крушение в шесть ноль-ноль утренней вахты. На борту оказались один выживший, двое мертвецов и андроид, разбитый так, что не починить.

Он помедлил, давая слушателям переварить информацию.

– Выживший – женщина.

Послышался гул голосов. Эндрюс слушал, внимательно наблюдал, пытаясь оценить спектр реакций. Пока что все было... неплохо.

Один из заключенных, Морзе, перегнулся через перила. Этому человеку было под тридцать, но выглядел он старше. Фиорина быстро старила своих невольных граждан. Управляющий машинально отметил большое количество покрытых золотом зубов – следствие определенных антисоциальных действий. Золотой цвет был выбран из косметических соображений. Морзе казался нервным – его обычное состояние.

– Я только хочу сказать, что когда я сюда прибыл, то дал клятву целомудрия. А это значит – никаких женщин. Никакого секса. – Он взволнованно оглядел собравшихся. – Мы все дали эту клятву. И теперь, позвольте мне сказать, я лично не одобряю политику Компании, позволяющую свободно смешиваться...

Пока он бубнил, Эрон прошептал на ухо начальнику:

– Наглый ублюдок, да, сэр?

Наконец вперед вышел Диллон, загородив собрата, и его звучный голос прозвучал негромко, но твердо:

– Наш брат пытается сказать, что мы смотрим на присутствие чужака – в особенности женщины, – как на нарушении гармонии. Как на потенциальную брешь в духовном единстве, которое помогает нам прожить день за днем и сохраняет нас в здравом уме. Ты слышишь, что я говорю, управляющий? Ты меня понимаешь?

Эндрюс спокойно встретил взгляд Диллона.

– Поверь мне, все мы понимаем ваши чувства. И, уверяю вас, будет сделано все, чтобы уладить это дело и вернуть вам душевный покой как можно скорее. Полагаю, это в наших общих интересах.

Над толпой поднялся гул голосов.

– Вы должны быть довольны, когда узнаете, что я уже запросил команду спасателей. Надеюсь, они прибудут в течение недели и эвакуируют женщину как можно быстрее.

Заговорил кто-то из центра толпы:

– Неделя, управляющий? Никто не сможет сюда добраться так быстро. Ниоткуда.

Эндрюс смерил человека взглядом.

– Вообще-то есть транзитный корабль на Мотинею. Его запрограммировали месяцы назад. Но у нас тут чрезвычайная ситуация. И есть правила, с которыми даже Компания должна считаться. Я уверен, они свяжутся с кораблем и вытащат из криосна хотя бы пилота, который проложит новый курс, чтобы подобрать нашу находку. На том и конец разговору.

Разумеется, управляющий не знал всего этого наверняка, но такие действия были бы логичны для Компании, и он чувствовал определенную уверенность, делая это предположение. Если корабль, направляющийся к Мотинее, не изменит курс, значит ему придется справляться с ситуацией так, как она того потребует. Но проблемы надо решать по мере их поступления.

Он взглянул на Клеменса.

– Тебе хватило времени, чтобы составить оценку?

Медик неуверенно скрестил руки на груди.

– Вроде того. Настолько, насколько это возможно с нашим оборудованием.

– Жаловаться все равно некому. Каково ее состояние?

Клеменс хорошо знал, что все глаза тут же сфокусировались на нем, но не подал вида, глядя только на управляющего.

– Она не кажется сильно израненной. По большей части пострадала только от ушибов и сотрясений. Одно из ребер может оказаться сломанным. Но если даже так, то это всего лишь усталостный перелом[2 - Микротрещины в кости из-за остеопороза или многократной перенагрузки, а не разовой травмы.].

Потенциально куда опаснее, что она вышла из состояния криосна слишком резко...

Он помедлил, чтобы собраться с мыслями.

– Слушайте, я всего лишь терапевт, но понимаю, что ей нужна помощь специалиста. Вытряхни кого-то из гиперсна слишком быстро, без соответствующей биофизической подготовки – и могут возникнуть любые

проблемы. Непредсказуемые побочные эффекты, скрытые осложнения с дыхательной и кровеносной системами, клеточные разрывы, которые иногда никак не дают о себе знать на протяжении дней или недель – вещи, которые я даже не знаю, как диагностировать, не говоря уже о лечении. Ради ее блага я надеюсь, что на этом корабле будет полноценное медицинское оборудование.

– Она будет жить? – спросил Эндрюс.

Медик молча пожал плечами, не зная, что ответить. Управляющий хорошо слышал только то, что он хотел услышать.

– Если предположить, что позже ничего не всплывет, думаю, что она будет в порядке. Но цитировать меня не стоит. Особенно дипломированному врачу.

– Да чего ты боишься? – хихикнул кто-то позади него. – Что тебя обвинят в незаконной практике?

Некоторые разразились резким смехом.

Быстро вступил Эндрюс – прежде чем Клеменс или кто-то другой успели ответить:

– Слушайте, у нас тут наивняшек нет. В наших общих интересах, если женщина не выйдет из лазарета до прибытия спасательной команды. И, разумеется, только с сопровождением. С глаз долой – из сердца вон, верно?

Все предпочли не отвечать.

– Так что нам всем следует заняться своими обычными делами и чрезмерно не возбуждаться. Правильно? Ладно, – он поднялся. – Спасибо, джентльмены.

Никто не двинулся. Затем к ним повернулся Диллон и тихо сказал:

– Окей.

Собравшиеся начали расходиться, возвращаясь к своим ежедневным задачам. Эндрюса поведение заключенных ничуть не разозлило: это маленькое

представление было мелочью, а такие мелочи он заключенным позволял. Это помогало спускать пар и умеряло их потребность проверять вышестоящих на прочность.

Встреча прошла настолько хорошо, насколько можно было ожидать. Управляющий чувствовал, что справился с ситуацией – положил конец слухам и домыслам прежде, чем дело могло бы пойти слишком далеко. Вместе с Эроном он направился обратно в офис. Впрочем, пригодился бы и более информативный ответ от Компании.

А вот Клеменсу дорогу заступил Диллон.

– Чего это ты?

Крупный мужчина выглядел озабоченным.

– Фармацевт, тебе следует быть поосторожней с этой женщиной.

Клеменс улыбнулся.

– Она не в состоянии причинять какие-либо неприятности. Разве мы не должны предоставлять всем божьим детям шанс выжить?

– Мы не знаем, чье она дитя.

Двое мужчин еще секунду смотрели друг на друга. Затем Диллон отошел в сторону и освободил медику дорогу. Взглядом он провожал Клеменса до тех пор, пока тот не прошел в дверь, ведущую к тоннелю «D».

Женщина лежала без движения; для разнообразия теперь она не стонала и не видела снов. Клеменс проверил капельницу, присоединенную к ее руке. Не зная особенностей состояния спасенной, он был вынужден дать ей препараты против общего истощения. В дополнение к глюкозе и сахарозе капельница содержала широкий набор разных антибиотиков в сыворотке, модификаторы быстрого сна и обезболивающие. Прочная идентификационная пластинка на шее женщины оказалась повреждена во время крушения, так что медику пришлось обойтись

без важной информации, содержащейся там. Он осторожно поискал какие-либо признаки непереносимости лекарств и с облегчением обнаружил, что ничего подобного не проявилось. Во всяком случае, у нее не было аллергии ни на что из того, что он закачал ей в вены.

Клеменс с радостью отметил, что наручная капельница почти пуста. Это значило, что тело женщины нашло хорошее применение восстановительному коктейлю. Показатели жизненных сигналов остались зелеными, пока он проводил прибором над грудью и головой спасенной. Это обнадеживало, и, достав капсулу для инъекции, медик чуть развернул руку женщины, чтобы был виден трицепс.

Ее глаза распахнулись так внезапно, словно она только притворялась спящей. Удивленный скоростью ее реакции, Клеменс помедлил. Женщина указала на приспособление в его руке.

– Это что?

– Устройство для инъекций.

– Это я вижу. Ты знаешь, о чем я.

Он чуть улыбнулся.

– Легкий коктейль моего собственного изобретения. Что-то вроде бодрящего эликсира. Адреналин, кое-какие эндорфины, пара мистических протеинов для вкуса. Думаю, твое тело оправилось достаточно, чтобы восстановить метаболизм. Через пять минут после укола ты почувствуешь себя гораздо лучше, чем сейчас.

Она продолжала его настороженно разглядывать.

– Ты врач?

Он пожал плечами и тут же отвел взгляд, словно вопрос причинял ему дискомфорт.

– Терапевт. Мой рейтинг всего 3-С. Но я – лучшее, что ты сможешь тут найти, – он наклонился и, сузив глаза, оценивающе изучил ее волосы. – Я должен обрить тебе голову. Мне следовало сделать это сразу, но я был занят другими, более важными вещами.

Это замечание заставило Рипли резко сесть в кровати, подтянув покрывало до самой шеи.

– Спокойнее. Я не убийца. Хотя они тут есть.

– Почему ты должен обрить мне голову?

– Из-за микроскопических паразитов. Плотноядные членистоногие, эндемики Фиорины. К счастью, людей они находят не слишком вкусными – за исключением кератина в наших волосах. По какой-то причине такого же аппетита к ногтям они не выказывают. Видимо, не та консистенция. Мы зовем их просто вшами, и к черту специфическую номенклатуру.

– А нельзя использовать какой-нибудь аэрозоль, или профилактический шампунь, что угодно? – глаза Рипли не отрывались от бритвы.

– О, Компания пыталась – когда они только начали здесь шахтерские работы. Но этих мелких уродцев так просто не возьмешь. Так и должно быть с существами, которые хотят выжить на этой планете. Оказалось, что все средства, достаточно сильные, чтобы избавиться от паразитов, вызывают ожоги кожи. Достаточно неприятные на голове, и куда хуже – в других местах. Куда более простым, дешевым и эффективным средством оказалось бритье. Некоторые из парней оставляют немного волос из чувства противоречия и борются с насекомыми, как могут. Например, брови. Так и не подумай, что кто-то будет переживать о такой мелочи, как брови. Но густые волосы – тут без вопросов. Попробуй пожить со вшами, и они тебя с ума сведут – будут ползать, жрать, вызывать зуд...

– Ладно, ладно, – поспешно ответила Рипли. – Я поняла ситуацию.

– Я дам тебе электрическую бритву. Когда почувствуешь себя лучше, сможешь сама побриться. Лазарет – наиболее стерильное помещение в комплексе, так что какое-то время ты будешь тут в порядке. Но в конце концов мелкие паразиты до тебя доберутся. Они слишком маленькие, чтобы их заметить. Но побреешься, и

они беспокоить не будут.

Она задумчиво помедлила, затем кивнула.

– Меня зовут Клеменс. Я главный медик здесь, на «Ярости-361».

Брови Рипли сошлись.

– Звучит не как обозначение шахты.

– Шахта тут была раньше. Последние остатки ценной руды уже давно выкопали, очистили и переправили отсюда. Стоимость содержания большого комплекса вынудила «Вейланд-Ютани» тут все оставить, но, чтобы вернуть пару кредитов, они сдали в аренду действующую часть сооружений тюрьме строгого режима. Всем сплошная выгода: общество избавлено от самых своих нежеланных членов, а у Компании появились бесплатные служащие. Всем хорошо, кроме тех из нас, кого сюда сослали. – Он указал на инжектор. – Так что, не возражаешь? Смесь – всего лишь что-то вроде стабилизатора.

Теперь она ощущала себя в достаточной безопасности и позволила ему приблизиться. Потом огляделась по сторонам.

– Как я сюда попала?

– У тебя была аварийная посадка на эвакуационной шлюпке. Никто не знает, что случилось с твоим кораблем, или почему вас эвакуировали. Если Гарри Эндрюс – он тут управляющий – и знает, то не говорит. Но что бы ни было причиной вашей эвакуации, оно, видимо, заодно повредило и шлюпку, потому что вы свалились прямо в гавань – и выглядело это довольно паршиво. Мы притащили шлюпку сюда. Я сам внутри не был, но если там так же, как снаружи, то тебе чертовски повезло остаться в живых, да еще и уцелеть, по большому счету.

Рипли сглотнула.

– А что с остальными?

– Да, я и сам об этом гадаю. Где остальная команда? Или они были на другой шлюпке?

– Нет никакой «остальной команды», – скупое уведомила она. – Это длинная история, и сейчас я не чувствую в себе сил ее рассказывать. Я имею в виду, что с теми, кто был на борту этой шлюпки вместе со мной? Сколько их было?

– Двое. Трое, если считать андроида, – он помедлил. – Боюсь, им не повезло.

– Что? – Это было трудно осознать.

– Они не выжили.

Долгий миг она раздумывала, затем коротко тряхнула головой.

– Я хочу подняться на борт. Мне нужно увидеть все самой.

Она начала было подниматься, но он положил руку ей на плечо, удерживая.

– Эй, погоди! Как твой врач, я должен сказать, что сейчас ты не в том состоянии.

– Ты не врач, помнишь? – она выскользнула из кровати с другой стороны, и, полностью обнаженная, выжидающе встала. – Не хочешь принести мне какую-нибудь одежду, или мне идти прямо так?

Клеменс решал какое-то время, не слишком расстраиваясь из-за возможности рассмотреть ее в полный рост.

– Учитывая природу местного населения, я бы настойчиво рекомендовал идти в одежде.

Он подошел к шкафчику на другой стороне комнаты и начал перебирать содержимое.

– Когда ты весело поскачешь по нашей маленькой стране чудес, имей в виду, что население тюрьмы исключительно мужское, и они годами не видели женщин.

Как и я сам, кстати говоря.

Уперев руку в бедро, она выждала мгновение, оценивая его оглядывая.

– Да, но на твой счет мне беспокоиться не о чем – ты же не-врач, помнишь?

Против воли он ухмыльнулся.

3

Клеменс отметил, как женщина стреляла глазами по сторонам, пока он вел ее по коридорам и переходам. Как беспокойный ребенок... или искушенный хищник. Она не упустила ничего. Малейший звук тут же привлекал ее внимание.

Их шаги на потертом металлическом перекрытии производили очень мало шума. Одежда, которую он ей нашел, оказалась немного мала, но женщину, похоже, это не беспокоило.

– Я не представляю, как долго ты находилась в криосне, но выход из него таким образом – это чертовски сильная встряска для всего организма. Не паникуй от того, что я на тебя посматриваю – я только слежу за твоим состоянием и проверяю, не проявляются ли отложенные побочные эффекты. Так что давай идти аккуратнее, Рипли.

Она резко на него посмотрела.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Оно было отпечатано на внутренней стороне твоих шорт, – он улыбнулся, извиняясь. – Заодно мы нашли твой идентификационный жетон. Он был так поврежден, что компьютер едва мог его считать, но эту информацию мы получили. К сожалению, большая часть твоих личных медданных исказилась, так что многое мне пришлось угадывать.

Рипли выдвинула плечи вперед, перекатила голову из стороны в сторону, проверяя, как работают суставы.

– Похоже, ты отлично справился. Спасибо.

К своему чрезвычайному удивлению Клеменс понял, что слегка смущен.

– Ну, любой болван может подключить капельницу.

Она ухмыльнулась.

– Не думаю. Для этого требуется специально обученный болван.

Рабочая команда старалась действовать с максимальной аккуратностью, опуская корпус шлюпки на поспешно сооруженные блоки. Старый кран стонал от усилий. С тех пор как шахта закрылась, его включали не слишком часто, и теперь временная активация старой техники для работы с эвакуационной шлюпкой представляла собой рискованное предприятие. Однако механика исполняла свои задачи как надо. Кабели пели, пока кораблик осторожно спускали вниз.

Эвакуационная шлюпка привлекала взгляды, когда впервые появилась внутри комплекса, но теперь, когда Рипли с Клеменсом подошли к ней, женщина привлекла их еще больше. И она куда лучше притворялась, что не замечает внимания, чем у заключенных получалось делать вид, что они на нее не смотрят.

– Что за место эта исправительная колония? – поинтересовалась Рипли у своего гида, пока они поднимались по пандусу к потрепанному кораблику.

Клеменс держался рядом.

– Тут была шахта с очистительным заводом. Добывали преимущественно минералы платиновой группы. Естественно, сырую руду обрабатывали здесь же – это куда дешевле, чем отправлять ее с планеты для очистки где-то еще. Я так понимаю, на тот момент, когда здесь были обнаружены залежи, цены на платину существенно выросли. Иначе Компания не стала бы разоряться на постройку комплекса таких размеров и так далеко от обитаемого космоса. Жила была очень богатой, с высокой концентрацией минералов.

– А теперь? – Рипли остановилась у входа и изучала поврежденный корпус шлюпки.

– «Вейланд-Ютани» заморозила проект. Оборот межзвездной продукции – не мой конек, и я не знаю никого здесь, кто получал бы удовольствие от отслеживания колебания цен на сырье. Мне кажется, я слышал, что спад цен на очищенный металл был связан с уменьшением потребности в нем. Так что большую часть оборудования тут положили в нафталин. Не стоит того, чтобы перемещать, недостаточно ценное для эвакуации. В почве все еще есть руда, и, если цены поднимутся, я уверен, Компания снова откроет шахту. Это значит, что нас, скорее всего, куда-то переместят. Не годится, чтобы опасные уголовные преступники жили рядом со славными, высокоморальными шахтерами. Хотя вряд ли здесь кто-то возражал бы против того, чтобы убраться с этого куска камня. Перемены будут к лучшему – сложно представить место, где хуже, чем здесь. Так что мы всего лишь зрители, штат обслуживания. Не даем оборудованию окончательно прийти в негодность на тот случай, если снова поднимутся цены на руду, или в ней возникнет повышенная необходимость. И правительству, и Компании это удобно.

– Мне кажется, после года или вроде того в подобном месте впору спянуть.

Клеменсу пришлось рассмеяться.

– Именно это говорили о некоторых из нас до того, как сюда сослали. Но я не думаю, что мы сумасшедшие – во всяком случае, большинство. Изоляция вовсе не так страшна, если научиться думать о себе, как о погруженном в размышления раскаивающемся грешнике, а не как о заключенном уголовнике.

– Женщины здесь когда-нибудь бывали?

– Извините, лейтенант Рипли, это территория двойных Y-хромосом. Только для мужчин.

Она кивнула, затем согнулась, чтобы проползти в отверстие, оставшееся от воздушного шлюза. Клеменс дал ей пробраться первой, затем полез следом.

Потрепанный корпус шлюпки казался нетронутым на фоне того, что обнаружилось внутри. Стены были смяты и погнуты, датчики и консоли –

разбиты, оборудование как попало рассыпалось по полу. Все пронизывал сильный запах морской соли. Рипли помедлила, пораженная фактом, что нечто или некто мог здесь не только выжить, но и остаться невредимым, в частности – ее собственная хрупкая персона.

– Где тела?

Клеменс поразился масштабу разрушений в той же степени, что и она, и теперь удивлялся, что Рипли получила не так уж много повреждений.

– Здесь есть морг, ведь шахтерское ремесло – дело опасное. Мы поместили твоих друзей туда – до тех пор, пока не прибудет следственная команда. Вероятно, через неделю.

– Там был андроид...

Клеменс состроил гримасу.

– Не включенный и разобранный. Его части валялись по всей шлюпке. Что осталось, мы выбросили в мусор. Что касается капрала, ему проткнула грудь опорная балка. Насквозь. Даже будь парень в сознании, он бы не понял, что случилось. А так он, скорее всего, даже не успел выйти из состояния криосна, чтобы почувствовать боль.

– Девочка?

Клеменс видел, что Рипли сдерживает чувства, но не представлял, насколько тяжело той это дается.

– Утонула в своей капсуле. Не думаю, что она была в сознании, когда это случилось. В любом случае, ее смерть была спокойнее, чем у капрала. Мне жаль.

Рипли молча это переварила. Затем ее плечи затряслись, а из глаз потекли слезы. Но на том и всё: ни воплей, ни криков, ни злобных выкриков в адрес несправедливой, равнодушной Вселенной.

«Малышка Тритончик. Тритончик, которой так и не выпало шанса. Но теперь она хотя бы была свободна...»

Вытерев глаза, Рипли посмотрела на то, что осталось от криокапсулы девочки. И внезапно нахмурилась. Лицевая панель оказалась разбита, что неудивительно, но металл под ней был странно обесцвечен. Рипли нагнулась вперед и провела пальцами по пятну.

Клеменс смотрел с любопытством.

- Что такое?

Рипли выпрямилась, на лице отразились иные ее эмоции – в голосе уже не звучало беспокойство, исчезла нежность, которая чувствовалась прежде.

- Где она?

- Я же сказал – в морге. Ты не помнишь?

Он с беспокойством уставился на женщину, озабоченный предположением, что, возможно, она странно реагирует на что-то из содержимого капельницы.

- Ты дезориентирована. Половина систем в твоём организме все еще считают, что находятся в криосне.

Рипли повернулась к нему так резко, что он вздрогнул.

- Я хочу увидеть то, что осталось от ее тела.

- Что значит «что осталось»? Тело не повреждено!

- Да? Я хочу его увидеть! Мне нужно увидеть самой!

Клеменс нахмурился, но воздержался от вопросов. Было что-то в выражении ее лица... Одно было ясно: в этой просьбе ей было нельзя отказать. Да и не то, чтобы для этого имелись какие-то причины... У него было ощущение, что

желание Рипли увидеть труп никак не связано с ностальгией. При столь кратком знакомстве было сложно понять, какова эта женщина на самом деле, но излишне нервной она не была, это точно.

Спиральная лестница была узкой и скользкой, но сэкономила время, потому что от хранилища, куда поместили спасательную шлюпку, идти было далеко. Клеменс больше не мог сдерживать любопытство.

– У твоей настойчивости есть какая-то причина?

– Мне нужно убедиться в том, как именно она умерла, – ровно откликнулась Рипли. – Что причиной смерти девочки не было нечто другое.

– Нечто другое? – в иных обстоятельствах Клеменс мог бы и оскорбиться. – Ненавижу повторяться в деликатных вопросах, но было достаточно очевидно, что ее капсула раскололась, и она утонула.

Он чуть подумал и уточнил:

– Она была твоей дочерью?

– Нет, – так же ровно ответила Рипли. – Она не была моей дочерью. Моя дочь умерла давным-давно.

Она говорила, избегая смотреть ему в глаза. Но, разумеется, она все еще была слаба, и ей нужно было концентрироваться на узких спиральных ступенях.

– Тогда к чему эта необходимость?

Вместо того, чтобы ответить напрямую, Рипли сказала:

– Несмотря на то, что мы не были родственниками, она была мне очень близка. Ты думаешь, я хочу увидеть ее в том виде, как ты описал? Я бы предпочла запомнить ее такой, какая она была живой. Я бы не стала просить, если бы это не было для меня чертовски важно.

Медик начал было отвечать, но остановился. Он уже понял, что Рипли не из тех людей, кого можно заставить говорить. Если она что-то и расскажет, то сама выберет для этого подходящее время.

Он отпер дверь и первым вошел внутрь. Нижний выдвижной ящик отреагировал на введенный код и скользнул вперед на бесшумных салазках. Рипли подошла, встала рядом с Клеменсом, и вдвоем они уставились на покоящееся внутри маленькое тело.

- Дай мне минутку. Пожалуйста.

Клеменс кивнул и пересек комнату, чтобы изучить показатели на дисплее. Время от времени он оборачивался, чтобы посмотреть, как его спутница изучает труп маленькой девочки. Несмотря на эмоции, что рвались наружу, Рипли действовала эффективно и основательно. Когда Клеменс решил, что прошло достаточно времени, он к ней присоединился.

- Все окей?

Он ожидал кивка, возможно вздоха. Но совершенно определенно он не ждал того, что она в конце концов сказала.

- Нет. Нам нужна аутопсия.

- Ты шутишь? - Клеменс изумленно вытаращился на нее.

- Нет. Думаешь, я стану шутить таким? Нам надо убедиться в том, как она умерла, - во взгляде Рипли была сталь.

- Я же сказал тебе: она утонула, - он начал задвигать ящик с телом обратно, но Рипли помешала.

- Я не уверена, - она глубоко вздохнула. - Я хочу, чтобы ты произвел вскрытие.

Клеменс недоверчиво уставился на нее.

- Послушай меня. Мне кажется, ты дезориентирована. Половина твоего организма все еще в криосне.

- Слушай, - ее тон не допускал возражений. - У меня есть очень существенная причина об этом просить, и я хочу, чтобы ты это сделал.

- Не хочешь поделиться этой причиной? - Клеменс был очень спокоен.

Рипли помедлила.

- А того, что я об этом прошу, недостаточно?

- Нет, недостаточно. «По просьбе близкого друга» инспекторов Компании не устроит. Нужно что-то получше.

Он ждал, ощущая нетерпение.

- Ну, ладно, - сказала она, наконец. - Риск возможного заражения.

- «Заражения» какого рода? - резко осведомился он.

Она явно валяла дурака:

- Я же не доктор. В отличие от тебя.

Он покачал головой:

- Нужно что-то получше.

- Холера, - она уставилась ему прямо в глаза. Ее решительность была поразительной.

- Ты шутишь. Ни об одном случае этого заболевания не докладывалось в течение двухсот лет. Давай, расскажи мне еще что-нибудь. В этом месте никогда не стоит отказываться от повода хорошо посмеяться. Может, оспа? Лихорадка денге?

– Я говорю тебе. Холера. Я была в составе боевого подразделения, которое нанесло ядерный удар по Ахерону. Они там экспериментировали с разнообразными мутировавшими бактериями и штаммами вирусов. Предполагалось, что учреждение будет безопасным и закрытым. Может, тебе известно о кое-каких интересах Компании. Инфекция вырвалась на свободу и... распространилась. Она была чрезвычайно заразной, а эффективного антидота не существовало. И ее не получилось локализовать, хотя попытки и были.

– И пришлось все взорвать? Несколько радикальное решение. Конечно, до нас новости не особенно быстро доходят, но мне кажется, что о подобном и здесь услышали бы.

– Неужели? Мне кажется, ты работаешь не на ту же Компанию, что я. Или, возможно, новости дошли – но не до всех. Ваш управляющий представляется мне не слишком болтливым человеком. Может, он все знает, но просто решил, что нет причин разглашать эту информацию?

– Да-а... – Клеменсу пришлось признать, что Рипли сбита его с толку. А еще она разбудила его любопытство. Правда ли, что Эндрюс скрыл эту часть новостей? Не то, чтобы он был обязан держать заключенных в курсе всего происходящего... Но холера? Какой-то мутировавший штамм... был он или нет, история все еще казалась медику маловероятной. Конечно, если женщина говорит правду, а тело маленькой девочки заражено чем-то, с чем они могут не справиться...

Или это была полуправда. Может, и существовал риск какой-то инфекции, но историю с холерой Рипли, похоже, придумала на скорую руку, не вспомнив ничего другого. Очевидно, она считала, что у нее есть на то причины. И к тому же она была военным офицером, а вот сам Клеменс ни черта в этом не смыслил.

Она стояла молча, смотрела на него и ждала.

«Какого дьявола», – подумал он.

– Как хочешь.

По сравнению с моргом остаток окаменевшего, запущенного комплекса казался такими же ярким и радостным, как альпийский луг в разгар весны. Вдоль одной из стен стояли шкафчики из нержавеющей стали, некоторые из них с кодовыми замками. Прочная ламинированная плитка на полу была выщерблена и растрескалась. Все это легко было починить, но у местных обитателей не было оборудования и необходимых навыков, да никого и не волновало состояние пола.

Сверкающий сливочно-белый стол в центре комнаты ярко освещали лампы. Клеменс в маске и врачебном одеянии склонился над подготовленным к вскрытию телом девочки, сделал начальный надрез, но остановился, чтобы отереть пот со лба. Прошло слишком много времени с тех пор, как он делал нечто подобное, а теперь ему не только отчаянно не хватало практики, но он еще и не понимал, зачем это делает.

Пила бесшумно и эффективно вскрыла грудную клетку.

– Ты уверена, что хочешь через это пройти? – спросил Клеменс у Рипли.

Она проигнорировала и просто молча смотрела – с холодным сердцем, спрятав эмоции в укромный уголок, откуда они не могли высунуться и как-то помешать. Клеменс пожал плечами и продолжил вскрытие.

Просунув руки в сделанный надрез – костяшки к костяшкам, – он глубоко вздохнул и потянул ребра в стороны, раскрывая грудную клетку. Потом сосредоточенно вгляделся внутрь, изредка нагибаясь ниже и рассматривая тело под разными углами. Наконец он выпрямился и расслабил пальцы.

– Ничего необычного. Все органы там, где должны быть. Ничего не пропало. Нет признаков болезни, нет необычного обесцвечивания, нет следов заражения. Особое внимание я уделил легким. Если что, они выглядят чрезвычайно здоровыми. Заполнены жидкостью, как я и подозревал. Уверен, что анализ определит морскую воду Фиорины. Странное состояние при холере, мм?

Клеменс сделал последний поперечный надрез, исследовал ткани, затем поднял голову.

– Все еще ничего. Довольна?

Рипли отвернулась.

– А теперь, поскольку я не полный идиот, не хочешь ли рассказать мне, что ты на самом деле там искала?

Прежде чем она смогла ответить, дальняя дверь распахнулась. Две мрачных фигуры проигнорировали звук, с которым дверь врезалась в стену. Выражение лица Эндрюса было даже менее дружелюбным, чем обычно.

– Мистер Клеменс!

– Управляющий, – ответ Клеменса был правильный, но не почтительный. Рипли с интересом наблюдала безмолвную сцену между мужчинами. – Мне кажется, вы еще не встречались с лейтенантом Рипли.

Она заподозрила, что оценивающий взгляд массивного управляющего задержался на ней дольше, чем он сам планировал. Затем его внимание сместилось на операционный стол, а потом обратно к медику.

– Что здесь происходит, мистер Клеменс?

– Да, верно, сэр, – поддержал его Эрон – эхо своего босса. – Что происходит, мистер Клеменс?

– Во-первых, я счастлив доложить, что лейтенант Рипли чувствует себя гораздо лучше. Как вы можете видеть, физически с ней все в порядке.

Эндрюс не клюнул на наживку. Слегка разочарованный, Клеменс продолжил:

– Во-вторых, в интересах здоровья и безопасности людей я провожу аутопсию больного ребенка.

– Без моего разрешения?! – управляющий практически рычал.

Медик ответил обыденным тоном, совершенно не напуганный.

- На его получение не было времени.

Брови Эндрюса слегка приподнялись.

- Не заливай, Клеменс! Это единственная вещь, которой у нас на Фиорине в изобилии.

- Я имею в виду, что лейтенанта тревожило вероятное наличие в теле мутировавших микроорганизмов, опасных для людей.

Управляющий вопросительно взглянул на Рипли.

- Это правда?

Она кивнула, не предлагая дальнейших пояснений.

- Оказалось, что все в порядке, - вмешался Клеменс. - Тело в нормальном состоянии и не демонстрирует следов заражения.

Сделав паузу, он сухо закончил:

- Я был уверен, что вы захотите, чтобы я провел процедуру как можно скорее. Отсюда и мое желание начать незамедлительно.

«Почти видно, как в мозгу Эндрюса шевелятся мысли, - подумалось Рипли. - Как они там кипят».

- Хорошо, - сказал в конце концов управляющий. - Но было бы еще лучше, если бы лейтенант Рипли не дефилировала перед заключенными, как, мне сказали, она делала час назад. Все эти монашеские клятвы вряд ли имеют значение. Ничего личного, как вы понимаете, лейтенант. Я рекомендую это во многом ради вашей защиты, а заодно и ради моего спокойствия.

- Я вполне понимаю, - пробормотала она, улыбаясь.

– Уверен, что понимаете, – управляющий снова повернулся к медику. – Заодно было бы хорошо, если бы вы, Клеменс, держали меня в курсе относительно изменений ее физического состояния. Мне полагается обновлять официальные записи в делах такого рода. Или я прошу слишком много?

Рипли сделала шаг вперед.

– Мы должны кремировать тела.

Эндрюс нахмурился.

– Вздор. Мы сохраним тела в холодильниках до прибытия спасательной команды. Есть формуляры, которые будет необходимо заполнить. У меня нет полномочий на такую свободу действий.

– Кремировать... хорошая шутка, сэр, – хихикнул Эрон, всегда готовый угодить.

– Слушайте, моя просьба – вовсе не каприз, – сказала им Рипли. – И она не имеет отношения к... личным чувствам. На кону здоровье людей.

Она выжидающе посмотрела на Клеменса.

«Что же ее так тревожит?» – задумался он про себя. А вслух сказал:

– Лейтенант Рипли опасается, что все еще существует возможность наличия передающейся инфекции.

Глаза управляющего подозрительно сузились.

– Мне показалось, ты только что сказал, что следов болезни нет.

– Я сказал, что, насколько смог определить, тело было чистым, и следов заражения не продемонстрировало. А вы знаете, насколько сложное оборудование в моем распоряжении и какую потрясающую репутацию я заработал на медицинском поприще.

Эндрюс понимающе хмыкнул.

– Тот факт, что я счел тело чистым, не означает, что это действительно так. Похоже на то, что ребенок просто-напросто утонул, хотя без надлежащей судебной экспертизы невозможно быть полностью уверенным. Рискуя пойти наперекор результатам моего собственного анализа, я считаю неразумным мириться с возможностью распространения мутировавшего вируса. Не думаю, что и члены команды спасателей хорошо на это посмотрят, когда придут сюда. Это может сделать их весьма неприветливыми, а ведь мы ценим их редкие визиты, не так ли? Не говоря уже о том, что вспышка чего-то на Ахероне, что морпехам пришлось взорвать с применением ядерного оружия, будет смотреться в вашем отчете очень плохо, разве нет? Особенно если ее можно было предотвратить. Конечно, если вы останетесь живы, чтобы об этом беспокоиться.

Теперь Эндрюс выглядел совершенно несчастным.

– Заморозка тел должна уничтожить любые вирусы.

– Необязательно, – сказала ему Рипли.

– Откуда ты знаешь, что нет?

– Мы говорим о сложных биоинженерных мутациях. Где гарантия, что заморозка сработает?

Управляющий ругнулся под нос, а выражение его лица стало еще более озабоченным.

– В этом комплексе сейчас присутствуют двадцать пять заключенных. Они же поддерживают здесь порядок. У всех двойные Y-хромосомы – бывшие преступники, воры, насильники, убийцы, поджигатели, растлители малолетних, наркоторговцы... всякая мразь.

Он помедлил, позволяя слушателям осмыслить перечень.

– Но это мразь, обратившаяся к вере. Из-за этого они могут казаться смягчившимися, но сам я не думаю, что эти люди стали менее опасны. Впрочем, я ценю душеспасительный эффект религии, потому стараюсь не оскорблять их веру. Они ценят мою толерантность, а взамен я вознагражден бо?льшим спокойствием, чем можно было бы ожидать в такой ситуации. Я не хочу нарушать установленный порядок. Мне не нужны круги на воде. И особенно я не хочу, чтобы тут ходила женщина и внушала моим подопечным идеи и воспоминания, которые они сумели удобным образом похоронить каждый в своем прошлом.

– Да, – согласилась Рипли. – Очевидно, как вы и сказали, ради моей личной безопасности. И, несмотря на то, что бы вы там себе ни думали, я не закрываю глаза на потенциальные проблемы, которые создает мое временное присутствие здесь.

– Именно, – Эндрюс явно обрадовался ее очевидному желанию сотрудничать. Или, говоря иначе, облегчить свою жизнь насколько возможно. Он снова глянул на медика. – Я оставлю процедуру кремации вам, мистер Клеменс.

Он развернулся, чтобы уйти.

– Только один момент, управляющий.

Эндрюс остановился.

– Да?

– Когда я закончу, вам потребуется отчет об обстоятельствах? Разумеется, для официальных записей.

Эндрюс задумчиво поджал губы.

– Это не понадобится, мистер Клеменс. Просто сообщите мне, и я сам уже позабочусь о прочем.

– Как скажете, управляющий, – Клеменс тонко улыбнулся.

Мясо. Часть его можно было опознать, часть – нет. Приглушенный ржаво-красный цвет перемежался жилками ярко-малинового. Маленькие тушки, свисающие со старых крюков. Огромные куски с торчащими намеками на ампутированные конечности, прослойки замороженного жира.

Неподалеку бродили куры и копытные, не ведающие о своей будущей судьбе. Одинокая овца. Живое мясо.

Бо?льшая часть бойни пустовала. Ее построили так, чтобы она удовлетворяла нужды сотен техников, шахтеров и персонала очистного завода. Помещение было куда больше, чем требовалось заключенным, выполняющим обязанности смотрителей. Они могли бы расположить припасы более свободно, оставив между ними проходы пошире, но задней части огромной комнаты, где по стенам текла кровь и будто слышались удары топора, все предпочитали избегать. Казалось, что в поисках формы для воплощения здесь осталось слишком много оживших призраков.

Двое мужчин сражались с тележкой, на которой лежала громоздкая туша мертвого быка. Фрэнк пытался ее направить, а Мерфи старался заставить работать электрический моторчик с подзарядкой. Мотор жалобно чихал и искрил. Когда этот наконец сгорит, они просто активируют другую тележку – механиков среди населения тюрьмы не было.

Фрэнк всегда сохранял на лице выражение полной обреченности. Его более молодой напарник не был и вполнину так опустошен. Только глаза Мерфи выдавали его скрытую натуру – натуру человека, который был в бегах и по ту сторону закона с тех пор, как достаточно повзрослел, чтобы задуматься о деятельности, не связанной с постоянной работой. Куда проще было присваивать заработки других, предпочтительно – но не обязательно – так, чтобы они о том не знали. Иногда он попадался, иногда нет. Последний раз оказался неудачным, и его сослали отбывать наказание на гостеприимной, экзотической Фиорине.

Мерфи тронул переключатель, и тележка сгрузила неповоротливую тушу на заляпанный пол. Фрэнк уже стоял с цепями наготове. Вместе они закрепили их вокруг задних ног мертвого животного и начали поднимать его при помощи лебедки. Туша ползла вверх медленно, с неровным колыханием и рывками. Тонкие, но на диво крепкие сплавные звенья цепи гремели под нагрузкой.

- Ну, хотя бы Рождество пришло пораньше, - Фрэнк боролся с тушей и пыхтел.

- В смысле? - не понял Мерфи.

- Любой мертвый бык - это хороший бык.

- Хороший - неподходящее слово. Вонючие ублюдки, все вшами покрыты. Лучше их есть, чем за ними ухаживать.

Фрэнк глянул в сторону загончиков.

- Осталось всего три прохвоста, и потом мы покончим с этими идиотами. Боже, ненавижу поливать этих животных из шланга. Вечно потом дерьмо на ботинках.

Мерфи посасывал нижнюю губу и думал о чем-то другом.

- Говоря о шлангах, Фрэнк...

- Да-а?

В голос второго мужчины прокрались воспоминания, отразились на его лице. Выражение его лица было отнюдь не добрым.

- В смысле, если тебе выпадет шанс... просто предположим... что бы ты ей сказал?

Его напарник нахмурился.

- Что значит - если мне выпадет шанс?

– Ну, знаешь. Если тебе выпадет шанс, – Мерфи задышал тяжелее.

Фрэнк это обдумал.

– В смысле, случайно?

– Ну, да. Если бы она прошла мимо одна, без Эндрюса или Клеменса. Как ты ей это скажешь? Ну, знаешь, если ты наткнешься на нее в столовке, или типа того.

У Мерфи заблестели глаза.

– Без проблем. У меня никогда с женщинами проблем не возникало. Я скажу: «Добрый день, дорогуша, как дела? Я могу тебе как-нибудь пригодиться?» А потом я на нее посмотрю. Знаешь – огляжу с ног до головы. Подмигну ей, грязно улыбнусь, и она поймет.

– Ну, конечно, – сказал Мерфи с сарказмом. – И потом она тоже улыбнется и скажет: «Поцелуй меня в задницу, ты, озабоченный старый мудака».

– Я с радостью поцелую ее в задницу. С радостью поцелую везде, где она захочет.

– Да-а, – лицо Мерфи неприятно помрачнело. – Но обращаться с ними, значит держать их в узде... верно, Фрэнк?

Старший мужчина кивнул.

– Обращаться с королевами, как со шлюхами, и со шлюхами, как с королевами. Тут нельзя ошибиться.

Вдвоем они наконец-то подтянули цепи так, что туша заняла свое место. Фрэнк закрепил лебедку, и оба работника отступили назад, позволяя мертвому животному покачиваться из стороны в сторону.

На долгий миг мужчин разъединила задумчивая тишина. Затем Мерфи легкомысленно ругнулся.

- Фрэнк?

- Да?

- Как ты думаешь, что убило Малышку? – он кивнул на тушу.

Фрэнк пожал плечами.

- Без понятия. Просто перенапряглась. Может, сердечный приступ.

Мерфи обошел мертвое животное.

- Как это мог быть сердечный приступ? Сколько ей было лет?

- По записям – одиннадцать. Самый расцвет. Ей не повезло, а нам – очень даже. Ты же знаешь, управляющий запрещает убивать животных на мясо, кроме как по особым поводам. Так что я смотрю на это как на награду за хорошо выполненную работу. Надо ее разделать. А потом кинем мясо в рагу. Животных такого размера обычно хватает на какое-то время. С этим дегидрированная дрянь станет похожа на настоящую еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

ИКФС (англ. IRIS – Infrared Interferometer Spectrometer) – фурье-спектрометр ИК-диапазона.

2

Микротрещины в кости из-за остеопороза или многократной перенагрузки, а не разовой травмы.

Купить: https://tellnovel.com/ru/foster_alan/chuzhoy-3

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)